

Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии

Петров В. Е., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (v.e.petrov@yandex.ru)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (kokurin1@bk.ru)

Екимова В. И., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (iropse@mail.ru)

Котенева А. В., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (akoteneva@yandex.ru)

Березина Т. Н., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (tanbercz@mail.ru)

Статья посвящена изучению диагностических индикаторов оценки толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Методический инструментарий исследования включал в себя структурированное интервью по авторской анкете «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма», методику «Шкала социальной дистанции» (Э. Богардус); методику «Шкала фашизма» (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон, Р. Сэнфорд); методику для измерения предрасположенности к предрассудкам (Г. Оллпорт, Б. Крамер); опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), а также экспертное оценивание. В исследовании приняли участие 76 военнослужащих (16 человек — эксперты; 60 человек — испытуемые). Для обработки эмпирических данных использовались частотный, корреляционный и факторный анализ. При сопоставлении тестовых и оценочных данных установлены статистически значимые индикаторы, связанные с толерантным отношением военнослужащих к экстремистской идеологии. Склонность к идеологии экстремизма может определяться через такие диагностические параметры, как «социальная дистанция», «консерватизм», «авторитарное подчинение» и «агрессия», «деструктивность и цинизм», «преувеличение значимости силы» и т. п.

Данные личностные характеристики можно рассматривать как обобщенный психологический портрет лиц, приверженных к экстремистской идеологии. По результатам исследования подтверждено, что разработанная анкета «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма» позволяет выявлять диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Подход позволяет учитывать диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии при формировании специализированного исследовательского инструментария (анкет, опросников и т. п.). Материал направлен на совершенствование психодиагностической и психопрофилактической работы с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации.

Ключевые слова: диагностические индикаторы, толерантность к экстремистской идеологии, склонность к экстремизму, интолерантность, диагностический фактор, компонента, психодиагностика, психодиагностическая оценка.

Для цитаты:

Петров В.Е., Кокурин А.В., Екимова В.И. и др. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). №2. С. 69-83.
doi: 10.17759/psylaw.2019090205

For citation:

Petrov V.E., Kokurin A.V., Ekimova V.I. et al. Gender differences in perception of stress among interrogators. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp. 69-83.
doi: 10.17759/psylaw.2019090205

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Проблема борьбы с идеологией экстремизма и ее профилактика, к сожалению, актуальна для представителей силовых ведомств.

Значимость проблемы противодействия экстремизму находит отражение в ряде отраслевых и междисциплинарных исследований. Так, например, феномен «экстремизм» и его социально-правовые детерминанты широко анализируются зарубежными учеными (А. Бартоли, А. Бреттон, М. Брюкнер, Дж. Каплан, П. Коулмен, Дж. Пирс, В. Тайво, Э. Тоффлер, А. Хиршман, Б. Хоффман и др.). В наибольшем объеме вопросы противодействия экстремизму присутствуют в работах представителей правоохранительной сферы деятельности (А.Я. Гуськов, А.И. Долгов, Л. Дэвис, К. Дункан, А.Л. Казин, Д. Котрайт, А.В. Ростокинский, Е.П. Сергун, В.В. Устинов и др.). Теоретико-этиологический аспект деятельности экстремистских организаций рассматривается в трудах Л.В. Бабевой,

В.В. Витюка, А.И. Гушера, А.А. Зиновьева, К.В. Кузнецова, Ю.В. Косова, В.Н. Панина, В.Е. Суденко, Т.А. Шаكليной, С.Д. Юрчевского и др. В отечественной парадигме вопросы криминально опасного поведения экстремисткой направленности представлены в трудах юридических психологов (Ю.М. Антонян, Н.И. Афанасьев, В.Л. Васильев, В.Ю. Верещагин, В.И. Власов, А.И. Долгова, А.Ю. Ильин, А.В. Коровиков, Т.Н. Кухтевич, Д.В. Ольшанский, Э.В. Улезко, М.Я. Яхъяев и др.).

При всей важности правовых, организационных, социальных и иных аспектов преодоления проблемы экстремизма, лидирующие позиции отводятся психологическим и социально-психологическим причинам формирования приверженности к экстремистским взглядам. Однако методологические основания и подходы специалистов разнятся. Так, в качестве центральных детерминант выделяют:

- деформации жизненных ценностей и ориентаций, приводящие людей к экстремизму (Ю.М. Антонян, Н.Н. Беденко, Я.И. Гишинский, С.И. Голод, Е. Дюпуи, М.С. Кочергин, И.Б. Орлова, Я.Т. Смолинский и др.);
- психогенные особенности формирования личности как причину и как следствие экстремистского поведения (И.А. Двойменный, А.И. Долгова, Т.П. Долгова, Т.А. Жалагина, С.Н. Махновец, К.Н. Поливанова, И.И. Щиголев, П.М. Якобсон и др.);
- информационно-психологическое воздействие, подходы к проведению досуга, а также влияние неформальных объединений и организаций на социализацию людей (С.А. Беличева, Ю.Г. Козлов, Ю.Н. Москвина, Л.М. Прозументов, И.М. Суравнева, В.Я. Суртаев, А.В. Шеслер, Е.А. Яковлева и др.).

Вариативность психологических подходов к анализу феномена «экстремизм» во многом детерминирует еще больший спектр взглядов на пути решения проблемы противодействия его идеологическим основам [9, 12, 18 и др.]. Несмотря на то, что на уровне теории психология экстремизма изучена относительно хорошо [4, 8 и др.] диагностический аспект выявления лиц, склонных к идеологии экстремизма, раскрыт недостаточно полно. Отсутствуют методики, направленные на оценку склонности к экстремисткой идеологии среди сотрудников силовых ведомств. При этом существующие в психодиагностической практике подходы к работе с гражданскими лицами и сотрудниками разнятся. Так, например, ряд исследователей предлагают в качестве действенного диагностического инструмента лингвистический контент-анализ речевой активности и соответствующих текстовых материалов [1, 19 и др.]. Однако данный подход, являясь достаточно результативным, носит, скорее, экспертно-диагностический характер и не ориентирован на мероприятия профессионального психологического отбора, оценку индивидуальной склонности к экстремизму. С целью выявления склонности к экстремизму в психодиагностической работе с личным составом силовых ведомств предлагается использовать опросник А.Н. Орла «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» [7]. На наш взгляд, применение данной методики не позволяет определить реальной склонности к экстремистской деятельности, поскольку в нем отсутствует специальная шкала, определяющая экстремистскую направленность военнослужащего. Диагностический инструмент выявляет склонность к отклоняющемуся поведению (алкоголизм, наркомания, суицидальные наклонности, мелкие хулиганства, азартные игры и др.; [13]). Безусловно, применяя методику, можно получить полезные сведения о поведении индивида, определить лиц, нуждающихся в дополнительном внимании со стороны психолога, но

диагностировать военнослужащих, склонных к экстремистской идеологии, будет не совсем корректно.

Наиболее близкой к нашему исследованию следует признать психометрически выверенную методику диагностики диспозиции насильственного экстремизма [5, 6]. Заметим, что данный инструментарий ориентирован на диагностику экстремистских склонностей у обучающихся образовательных организаций. В ряде отечественных и зарубежных исследований обсуждается эффективность методов оценки риска экстремистских проявлений у представителей разных социальных групп населения [15, 16, 21, 22, 23 и др.]. Однако поле исследований заявленной проблемы по отношению к военнослужащим остается практически свободным. Именно на оценку диагностически значимых психологических конструктов, которые могут использоваться при определении толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии, было направлено проведенное нами исследование. При этом ставились такие задачи, как: провести скрининг-анализ потенциала распространенности среди военнослужащих феномена толерантности к экстремистской идеологии; определить диагностические индикаторы толерантности военнослужащих к идеологии экстремизма; оценить возможности предложенного диагностического подхода по выявлению приверженности к экстремистской идеологии у кандидатов на военную службу по призыву и по контракту.

Методы

В исследовании 2017—2018 гг. приняли участие 60 военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (48 человек) и по контракту (12 человек); все респонденты — мужчины, возраст — 18—27 лет. Специфика выборки была обусловлена однородностью выполняемых учебно-боевых задач и доступностью для исследования личного состава одного из воинских подразделений, дислоцированных на территории Московской области (возможностью их привлечения к исследованию). Решение об участии того или иного военнослужащего в исследовании определялось соответствующими командирами в сочетании с рандомизированным выбором участников из списочного состава подразделения на основании наличия оперативной информации о возможной толерантности, либо, наоборот, отсутствия однозначных сведений о склонности военнослужащих к идеологии экстремизма [2].

Применялись следующие методики исследования: авторская анкета «Оценка толерантности к проявлениям идеологии экстремизма» [17] для структурированного интервью раннего выявления приверженности военнослужащих к экстремистской идеологии (всего 40 утверждений, например, «К некоторым нациям и народам сложно относиться хорошо», «Нормально считать свой народ лучше других», «Истинной может быть только одна религия», «Многонациональность России препятствует развитию ее культуры»); шкала социальной дистанции (Э. Богардуса); шкала фашизма (Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорда); методика для измерения предрасположенности к предрассудкам (Г. Олпорта, Б. Крамера.); опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой).

В качестве внешнего критерия толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии использовалась экспертная оценка. Для исследования привлекались командиры (16 офицеров-мужчин; 28—40 лет), выбор которых основывался на наличии у них профессионального опыта работы с личным составом и непосредственного контакта с

оцениваемыми военнослужащими. В отношении каждого военнослужащего заключение по четырем компонентам «экстремистской идеологии» выносило 3 эксперта. Использовалась пятиградационная оценочная шкала. Частные оценки экспертов по каждому показателю усреднялись.

Составляющими внешнего критерия степени выраженности толерантности к экстремистским идеям являлись: особенности поведения; подходы к адаптации к службе и межличностному взаимодействию; наличие признаков приверженности к экстремизму в речи. Поведенческие характеристики определялись через наличие склонности к агрессивным поступкам, способам их выражения; наличие конфликтов на идеологической почве; специфику поведения в конфликтной ситуации. Экспертам пояснялось содержание каждого признака, по которым может быть идентифицирована приверженность индивида к экстремистской идеологии.

Для обработки эмпирических данных использовались частотный, корреляционный и факторный анализы, реализованные на базе статистического пакета SPSS 13.0 for Window.

Результаты и их обсуждение

Потенциал распространенности толерантности к идеям экстремизма в среде военнослужащих определялся с привлечением описательной статистики. Так, частотный анализ результатов тестирования и анкетирования показал, что подавляющее большинство военнослужащих потенциально не склонны к восприятию экстремистской идеологии (значения индикаторов методик исследования, представленные в шкале стенов, усреднялись; полагалось, что 1—3 стенов указывают на низкий уровень склонности, 4—7 стенов — средний, 8—10 стенов — высокий). У большинства респондентов (38 человек или 63,3%) отмечен низкий интегральный уровень приверженности к экстремистской идеологии, 20 военнослужащих (33,3%) проявили средний уровень и 2 человека — высокий уровень. Среднее значение интегральной (тестовой) оценки — 3,42 балла (стандартное отклонение — 1,98 балла).

Тестовые и анкетные данные сопоставлялись с экспертными оценками. Результаты оценивания в основе своей были согласованы (например, из двух человек, чувствительных к идеям экстремизма, по данным тестов, экспертами один был квалифицирован как лицо с высоким уровнем риска, второй — со средним; аналогичная тенденция была отмечена в других группах). При этом экспертные оценки несколько занижают степень проявления признаков толерантности, чем тестовые. Среднее значение интегральной (экспертной) оценки составило 2,95 балла (стандартное отклонение — 1,84 балла). В целом, у 42 человек (70%) отмечен низкий уровень приверженности к экстремистской идеологии, у 17 человек (26,3%) и 1 человека (3,7%), средний и высокий уровень соответственно (пороговые средние экспертные значения: низкий уровень — 0..1,5; средний уровень — 1,6..3,5; низкий уровень — 3,6..5,0 баллов).

Для проверки результативности предложенного подхода к оценке склонности военнослужащих к экстремистской идеологии проведен корреляционный анализ (по Спирмену) диагностируемых индикаторов четырех тестовых методик и оценок экспертов (табл. 1). Сопоставлялись оценки десятибалльной (диагностические методики) и пятибалльной (экспертная оценка) шкал.

Таблица 1

Результаты анализа взаимосвязи психодиагностических индикаторов и оценок экспертов

Оцениваемые психологические индикаторы	Коэффициент корреляции
Социальная дистанция	0,850(**)
Консерватизм	0,784(**)
Авторитарное подчинение (не критичность и стремление к подчинению авторитету, отражает наличие потребности в сильном лидере)	0,944(*)
Авторитарная агрессия	0,884(**)
Непринятие субъективного	0,819(*)
Суверенность и стереотипия (преувеличение значимости силы)	0,906(**)
Деструктивность и цинизм	0,816(**)
Вера в то, что мир зол	0,818(*)
Чрезмерный интерес к сексуальности	0,835(**)
Шкала фашизма	0,626(**)
Этнонигилизм	0,785(*)
Этническая индифферентность	0,962(**)
Норма идентичности	-0,622(*)
Этноэгоизм	-0,590
Этноизоляционизм	0,703(*)
Этнофанатизм	0,625
Предубежденность	0,826(*)

Примечание: уровень значимости: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Установлены статистически значимые корреляционные связи между экспертными оценками и такими диагностическими параметрами, как: социальная дистанция (коэффициент корреляции $R=0,850$ при уровне значимости $p < 0,01$); консерватизм ($R=0,784$; $p < 0,01$); авторитарное подчинение ($R=0,944$; $p < 0,05$); авторитарная агрессия ($R=0,884$; $p < 0,01$); непринятие субъективного ($R=0,819$; $p < 0,05$); преувеличение значимости силы

($R=0,906$; $p<0,01$); деструктивность и цинизм ($R=0,816$; $p<0,01$); вера в то, что мир зол ($R=0,818$; $p<0,05$); чрезмерный интерес к сексуальности ($R=0,835$; $p<0,01$); шкала фашизма ($R=0,626$; $p<0,01$); этнонигилизм ($R=0,785$; $p<0,05$); норма идентичности ($R=-0,622$; $p<0,01$); этноизоляционизм ($R=0,703$; $p<0,05$); предубежденность ($R=0,826$; $p<0,01$).

Полученные результаты можно рассматривать как обобщенный психологический портрет лиц, приверженных к экстремистской идеологии. Результаты отчасти схожи с характеристиками, отмеченными у подростков, склонных к экстремистскому поведению [3, 8 и др.].

Таким образом, можно сделать частный вывод о том, что предложенная нами батарея диагностических методик (шкала социальной дистанции; шкала фашизма; методика для измерения предрасположенности к предрассудкам; опросник «Типы этнической идентичности») позволяет оценить степень выраженности толерантного отношения к идеям экстремизма.

Для выявления на ранних этапах принадлежности военнослужащих к экстремистской идеологии был проведен факторный анализ анкетных данных. В качестве основных методов факторного анализа использовались: метод выявления — анализ методом главных компонент; метод вращения — варимакс с нормализацией Кайзера. При подсчете общностей некоторые показатели (утверждения) были удалены из анализа (из-за низких показателей общности), а именно: утверждения о том, что «современная молодежь вызывает неприятные чувства своим внешним видом (прически, косметика, наряды)», «истинной может быть только одна религия». Таким образом, значимыми оказались четыре компонента-фактора (табл. 2).

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
Меня не интересуют современные неформальные молодежные группы (движения, объединения)	0,859			
Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше	0,810			
Я считаю, что все течения культуры современной молодежи разрушительны для нашего народа	0,794			
Сосредоточение всей полноты власти в одних руках способно решить проблемы России	0,784			
Я предпочитаю, чтобы мои друзья не принадлежали ни к каким неформальным молодежным группам	0,773			

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
Религиозные люди меня настораживают и раздражают	0,770			
Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества	0,756			
Думаю, что люди другой национальности в России должны иметь те же шансы, что и русские	0,719			
Чужие замечания меня крайне раздражают, и по этому поводу может возникнуть серьезный конфликт	0,713			
Мне совершенно безразлично, к каким группам принадлежат мои друзья, это их личное дело	0,664			
У меня бывали конфликты с представителями неформальных молодежных групп	0,652			
Люди одной национальности похожи друг на друга	0,588			
Надо терпимо относиться ко всем мнениям, взглядам, кроме тех, которые могут вызвать общественные беспорядки	0,580			0,512
Как правило, мне трудно идти на уступки	0,567		0,378	
Любовь к своему народу не мешает мне уважать другие культуры и языки	0,470			
Мне не нравятся внешний вид (музыка, атрибутика и т. д.) современной молодежи	0,401			
Правильной может быть только одна религия	0,377			
Приезжим нельзя доверять		0,727		
Современное состояние России требует «сильной руки»		0,664		
К некоторым нациям и народам сложно относиться хорошо		0,657		
Я никогда не понимал браки людей разных национальностей		0,641		

Критерий (стимул анкеты)	Компонент-фактор			
	1	2	3	4
В споре всегда есть одна верная точка зрения		0,637		
Приезжие должны занимать низшие должности, на большее они не способны	0,380	0,620		
Люди преувеличивают способность животных чувствовать и переживать		0,618		
Я легко привыкаю к новым условиям		0,553		
У меня есть всегда свое мнение, другие мне не важны		0,544		
Если моя точка зрения не совпадает с точкой зрения говорящего — я сильно раздражаюсь		0,485		
Для меня религия значит много		0,457		
Если бы была возможность — я бы исключил из СМИ все точки зрения, противоречащие моей		0,425		
Национальность определяет развитие человека			0,381	0,354
Я не могу представить своей супругой (супругом) человека другой национальности			0,761	
Многонациональность России препятствует развитию ее культуры			0,730	
Нормально считать свой народ лучше других			0,648	
Большинство преступлений в нашей стране совершается приезжими			0,637	0,461
На уступки идут слабые люди			0,447	
Думаю, что все средства хороши при защите своего народа	0,402		0,376	0,579
Межнациональные браки разрушают культуру	0,405			0,557
Современная молодежь «не от мира сего»				0,384

Проведено описание выделенных факторов (компонентов). Так, первый фактор получил условное название «Толерантность» (определяет 51,4% дисперсии). Данный компонент, отражающий негативное (нетерпимое) отношение к лицам иной национальности или субкультуры, беженцам, психически больным людям, представителям

различных социальных групп, лицам с иными религиозными воззрениями, придерживающимися иных взглядов или мнений, включает в себя 20 утверждений анкеты (диагностических индикаторов). Предполагается, что для экстремистской идеологии свойственны этническая интолерантность и категоричность. Второй фактор, условно названный «Признаки приверженности к экстремистской идеологии» (16,5% дисперсии), включает 12 утверждений и определяется тенденциями выраженной неприязни к представителям иных национальностей, воинствующей религиозности, а также категоричностью суждений в области межнациональных отношений. Третий фактор, определяемый 8 утверждениями на тему мононациональности и установками враждебности по отношению к представителям иных национальностей, получил название «Этнические установки» (9,1% дисперсии). Четвертый фактор, получивший название «Интолерантные убеждения» (7,8% дисперсии), опирается на 6 утверждений, отражает личностную позицию по отношению к проблеме этнической нетерпимости и внутренние убеждения относительно нормативного поведения. Диагностические индикаторы связаны с мнением индивида о несовместимости лиц, принадлежащих различным этнокультурам.

Полученные результаты во многом совпали с материалами исследований отечественных и зарубежных специалистов [2, 7, 10, 11, 14, 20, 24 и др.] . Однако предложенная нами классификация сведена к четырехкомпонентному пространству, которое характеризует представителей силовых ведомств (военнослужащих). Несмотря на то, что анкета превентивной оценки требует масштабного психометрического исследования, в целом, она имеет диагностический потенциал, а предложенный подход технологичен, позволяя на уровне методического инструментария определять толерантность военнослужащих к идеологии экстремизма.

Заключение

Таким образом, нами был предложен подход к ранней диагностике степени толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. При этом исследовательский инструментарий, хотя и базируется на универсальных диагностических дескрипторах (стимульном материале, непосредственно не затрагивающем проблематику прохождения военной службы), но апробирован на выборке военнослужащих, а, соответственно, регистрирует реакции именно этой категории обследованных.

Корреляционный анализ показал, что данные, полученные в ходе комплексной диагностики, и экспертные оценки тесно взаимосвязаны между собой. Предложенный нами подход позволяет оценить степень толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии. Новизна полученных результатов состоит в том, что выделенные четыре компонента-фактора объединяют различные признаки толерантного отношения к идеологии экстремизма. В целом, у всех военнослужащих с низкими показателями толерантности к экстремистской идеологии отмечаются особенности этнической идентичности, высокие показатели социальной дистанции, выраженные интолерантные установки, предрассудки, приверженность агрессивному подчинению.

В исследовании получены результаты, позволяющие внести уточнения и дополнения в содержание интервью/анкеты для профессионального психологического отбора кандидатов на военную службу, верифицировать на базе анкеты соответствующую диагностическую методику.

Принимая во внимание, что генерализация тенденции толерантности к идеям экстремизма в среде военнослужащих не является критической, отдельные проявления этого негативного явления, к сожалению, встречаются. В связи с этим предложенный подход позволяет совершенствовать психодиагностическую и психопрофилактическую работу с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации.

Литература

1. Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б. и др. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2014. 276 с.
2. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107—122.
3. Бузыкина Ю.С. Социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. № 1. С. 34—42.
4. Григорьева М.А., Секач М.Ф., Савицкий А.А. Психология экстремизма и терроризма // Человеческий капитал. 2017. № 2(98). С. 3—6.
5. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностика диспозиции насильственного экстремизма // Психологическая диагностика: научно-практическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—97.
6. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 106—121. doi:10.17759/psylaw.2017070109
7. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92—103.
8. Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А., Стегнин Е.Д. Четыре шага от толерантности до экстремизма: понятийно-феноменологический анализ // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 14—19.
9. Казберов П.Н. (а). О психопрофилактической программе по противодействию распространению экстремизма среди осужденных в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 1 (164). С. 13—15.
10. Казберов П.Н. (б). Возможности типологизации социально-психологических и уголовно-исполнительных характеристик осужденных за преступления экстремисткой направленности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 75—80.
11. Караяни А.Г. О роли психологии в профилактике терроризма // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 37—40.
12. Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учеб. пособие для бакалавриата и

магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 262 с.

13. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.: ТЦ «Сфера», 2004. С. 141—154.
14. Корблев С.Е., Красненкова С.А. Социально-психологическая характеристика идейных и правовых компонентов экстремистской деятельности // Право и образование. 2014. № 8. С. 72—79.
15. Майкова Е.С., Бонкало Т.И. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 2. С. 123—125.
16. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании // Психология и право psyandlaw.ru 2018. Т. 8. № 3. С. 123—134. doi: 10.17759/psylaw.2018080309
17. Петров В.Е. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии // Научные исследования и образование. М.: НОУ ВПО МИГУП. 2018. № 30. С. 56—58.
18. Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 167—178. doi:10.17759/psylaw.2018080312
19. Филимонов О.В. Экстремистский дискурс в современной информационной среде // Полиция и деятельность. 2016. № 4.
20. Юдина А.И., Кудрин В.С. Экстремизм в молодежной среде: анализ состояния современной социально-культурной ситуации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2(38).
21. Geoff Dean G., Graeme Pettet G. The 3 R's of risk assessment for violent extremism // Journal of Forensic Practice. 2017. Vol. 19. Iss. 2. P. 91—101. URL: <https://doi.org/10.1180/10.1108/JFP-07-2016-0029.2016.1198413>
22. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism [Электронный ресурс] // Psychology, Public Policy, and Law. 2012. № 18(2). P. 167—205. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/a0025792>.
23. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism [Электронный ресурс] // American Psychologist. 2017. 72(3). P. 278—288. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000121>.
24. Weine S., Eisenman D.P., Kinsler D., Gilk D.C., Polutnik C. Addressing violent extremism as public health policy and practice [Электронный ресурс] // Behavior Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2017. Vol. 9. Iss. 3. P. 208—221. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2016.1198413>.

The Assessment of Tolerance of Military Personnel to Extremist Ideology

Petrov V.E., PhD, associate Professor, associate Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology of the faculty of extreme psychology, MSUPE (v.e.petrov@yandex.ru)

Kokurin A.V., PhD, associate Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (kokurin1@bk.ru)

Ekimova V.I., Doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (iropse@mail.ru)

Koteneva A.V., Doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (akoteneva@yandex.ru)

Berezina T.N., Doctor of psychology, Professor, Professor of the Department of scientific bases of extreme psychology, MSUPE (tanberez@mail.ru)

The article focuses on the research of the diagnostic indicators of the assessment of tolerance of military personnel to extremist ideology. A methodical toolkit of the research included a structured interview on the proprietary questionnaire «Assessment of tolerance to manifestation of extremist ideology», «Bogardus Social Distance Scale» (E. Bogardus), «The California F-scale» personality test (T. Adorno, E. Frenkel-Brunswik, D. Levinson, R. Sanford), Allport's Scale of Prejudice (G. Allport, B. Kramer); the questionnaire «Types of ethnic identity» (G.U. Soldatova, S.V. Ryzhova) as well as expert assessment. 76 military personnel took part in the research (experts:16, subjects:60). Frequency, correlation and factorial analyses were used for empiric data processing. The statistically significant indicators related to tolerance of military personnel to extremist ideology were identified by comparing test and evaluation data. The disposition to ideology of extremism can be defined through such diagnostic parameters as «social distance», «reluctance to change», «authoritarian submission» and «aggression», «destructiveness and obscenity», «exaggerated importance of the force», etc. These personal features can be reckoned as a generalised psychological profile of an individual committed to extremist ideology. The highlighted indicators such as «Tolerance», «Signs of commitment to extremist ideology», «Ethnic attitudes», «Intolerant convictions» combine signs denoting an increased probability of an individual being involved in improper activities. A degree of impact (specific weight) of component factors on formation of propensity of a military to the ideology of extremism is exposed. According to the research report it is confirmed that the designed questionnaire «Assessment of tolerance to manifestations of extremism ideology» enables to detect the diagnostic parameters of tolerance of military personnel to extremist ideology. The approach permits to reckon the diagnostic indicators of tolerance to extremist ideology in forming specific research toolkit (questionnaires, forms, etc.). The material aims to improve psychodiagnostic and psychoprophylactic activities with the Armed Forces personnel of the Russian Federation.

Key words: diagnostic indicators, tolerance to extremist ideology, propensity to extremism, intolerance, diagnostic factor, component, psychodiagnostics, psychodiagnostic assessment.

References

1. Antonova, Yu.A., Vesnina, L.E., Voroshilova, M.B. i dr. (2014). Ekstremistskij tekst i destruktivnaya lichnost': monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. 276 p. (In Russ.).
2. Bocharov, A.V., Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V. (2015). Multidimensional typology of the convicted of extremism based on factor and cluster analysis of psycho-diagnostic results. Siberian journal of psychology, (55), 107-122. (In Russ.).
3. Buzykina, Yu.S.(2011). Social'no-psihologicheskie harakteristiki i otnoshenie k proyavleniyam ekstremizma u studentov vuza i uchashchihsya shkoly. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. (1), 34-42. (In Russ.).
4. Grigor'eva, M.A., Sekach, M.F., Savickij, A.A. (2017). Psihologiya ekstremizma i terrorizma // Chelovecheskij capital, 2, (98), 3-6. (In Russ.).
5. Davydov, D.G., Hlomov, K.D. (2017). Metodika diagnostika dispozicii nasil'stvennogo ekstremizma. Psihologicheskaya diagnostika: nauchno-prakticheskaya diagnostika, 14 (1), 78-97. (In Russ.).
6. Davydov, N.G. (2017). The personal dispositions of violent extremism. Psychology and Law, 7 (1), 106-121. doi: 10.17759/psylaw.2017070109. (In Russ.).
7. Dvorynchikov, N.V., Enikolopov, S.N., Sokolskaya, M.D., Fursova, I.A. (2010). The value orientations of right-wing extremists. Psychological Science and Education, (5), 92-103. (In Russ.).
8. Ekimova, V.I., Kokurin, A.V., Orlova, E.A., Stegnin, E.D. (2017). Chetyre shaga ot tolerantnosti do ekstremizma: ponyatijno-fenomenologicheskij analiz. Yuridicheskaya psihologiya, (4), 14-19. (In Russ.).
9. Filimonov, O.V. (2016). Ekstremistskij diskurs v sovremennoj informacionnoj srede. Policejskaya deyatel'nost', (4). (In Russ.).
10. Kazberov, P.N. (2016a). O psihoprofilakticheskoy programme po protivodejstviyu rasprostraneniyu ekstremizma sredi osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, 1 (164), 13-15. (In Russ.).
11. Kazberov P.N. (2016b) Vozmozhnosti tipologizacii social'no-psihologicheskikh i ugolovno-ispolnitel'nyh harakteristik osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistkoj napravlenosti. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya (1), 75-80. (In Russ.).
12. Karayani, A.G. (2010). About the role of psychology in terrorism prevention. National Psychological Journal, (2), 37-40. (In Russ.).
13. Kaftan, V.V. (2015). Protivodejstvie terrorizmu: Uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. Moscow: Yurajt. 262 p. (In Russ.).

14. Klejberg, Yu.A. (2014). Social'naya psihologiya deviantnogo povedeniya. Moscow: TC «Sfera». Pp. 141-154. (In Russ.).
15. Koreblev, S.E., Krasnenkova, S.A. Social'no-psihologicheskaya harakteristika idejnyh i pravovyh komponentov ekstremistskoj deyatel'nosti. Pravo i obrazovanie. (8), 72-79. (In Russ.).
16. Majkova, E.S., Bonkalo, T.I. (2013). Psychological characteristics of the adolescents inclined to extremist behavior. Scientific Notes of the Russian State Social University, (2), 123-125. (In Russ.).
17. Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V., Karelin, D.V., Kozlova, N.V. (2018). Extremist orientation of the person in legal and psychological knowledge. Psychology and Law, 8 (3), 123-134. doi: 10.17759/psylaw.2018080309. (In Russ.).
18. Petrov, V.E. (2018). Ocenka tolerantnosti voennosluzhashchih k ekstremistskoj ideologii. Nauchnye issledovaniya i obrazovanie. M.: NOU VPO MIGUP, (30) 56-58. (In Russ.).
19. Serdyuk, N.V., Grishenko, L.L., Stolyarenko, A.M. (2018). Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth. Psychology and Law, 8 (3), 167-178. doi: 10.17759/psylaw.2018080312. (In Russ.).
20. Yudina, A.I., Kudrin, V.S. (2016). Ekstremizm v molodezhnoi srede: analiz sostoyaniya sovremennoi sotsial'no-kul'turnoi situatsii. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, 2 (38). (In Russ.).
21. Geoff, Dean G., Graeme, Pettet G. (2017). The 3 R's of risk assessment for violent extremism. Journal of Forensic Practice, 19 (2), 91-101. <https://doi.org/10.1180/10.1108/JFP-07-2016-0029.2016.1198413>.
22. Monahan, J. (2012). The individual risk assessment of terrorism. Psychology, Public Policy, and Law, 18 (2), 167-205. <http://dx.doi.org/10.1037/a0025792>.
23. Sarma, K.M. (2017). Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. American Psychologist, 72 (3), 278-288. <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000121>.
24. Weine, S., Eisenman, D.P., Kinsler, D., Gilk, D.C., Polutnik, C. (2017). Addressing violent extremism as public health policy and practice. Behavior Sciences of Terrorism and Political Aggression, 9 (3), 208-221. <https://doi.org/10.1080/19434472.2016.1198413>.